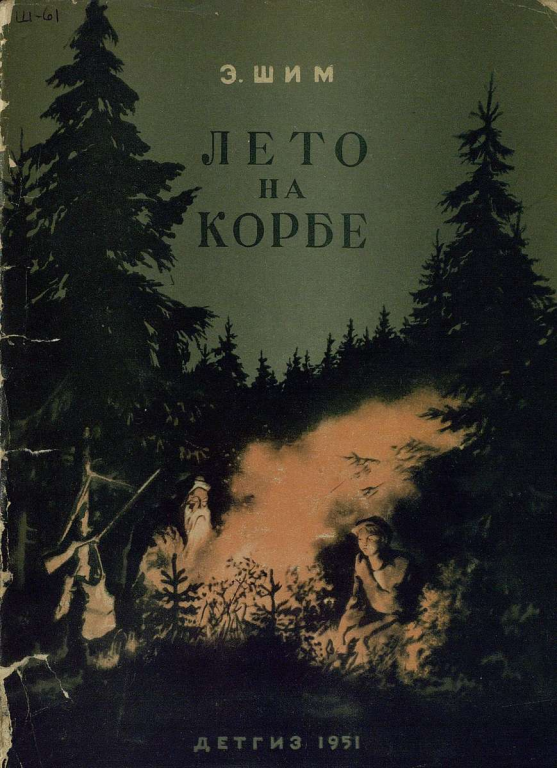


Ш-61

Э. Ш И М

ЛЕТО НА КОРБЕ



ДЕТГИЗ 1951

ш-61

Э. Ш И М

ЛЕТО НА КОРБЕ



РИСУНКИ

Т. ШИШМАРЕВОЙ И В. ВЛАСОВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1961 Ленинград



44

26081 39922



ВСТРЕЧА

Мокеич — старый охотник и рыболов. Все мальчишки наши учились у него премудростям ловли. Я тоже всегда старался на рыбалку ходить вместе с Мокеичем.

Многому мог научить дед. Знал он хорошо повадки всяких рыб и зверей, места, где они живут и кормятся.

Правда, в то время я мало что мог запомнить. Сам еще только учился держать удочку в руках, но к деду привязался крепко.

Потом случилось так, что в деревню я не приезжал подряд несколько лет.

После возвращения из Сибири, где мы с матерью прожили во время войны четыре года, — непременно захотелось побывать мне в родных местах.

Подъезжая к деревне, с нетерпением ожидал я встречи с Мокеичем. Был я уверен, что дед жив и попрежнему

ходит тёплыми вечерами на нашу маленькую речушку Корбу.

Мокеич действительно оказался живым и здоровым. Дед, на мой взгляд, совсем не изменился. Такой же ловкий, маленький, с дремучей бородой, доросшей до хитрых синих глаз. Только теперь на потёртом дедовом пиджачке сияет медаль «Партизану Отечественной войны», а на голове ловко сидит военная выгоревшая фуражка.

Дед меня сразу узнал, обрадовался моему приходу, схватил чемодан и повёл к себе.

Через минуту мы уже сидели в новой, пахнущей смолой горнице дедова дома.

Со страхом смотрел я на стол, который жена Мокеича — тётя Паша — уставляла рыбными пирогами, ватрушками и другой едой.

Знал я, что уйти от тёти Паши не удастся до тех пор, пока не отведаешь всех её кушаний.

Но зато и пироги были у Прасковьи Дмитриевны... На славу!

После обеда у нас с Мокеичем разговор пошёл сразу же о реке и лесах. Не смогли утерпеть.

С тех пор снова стал я бывать с дедом на рыбалках и в лесу.

Правда, теперь Мокеич ходил на рыбалку только вечером, потому что работал он в колхозе инспектором по качеству.

Но уменьше Мокеича добывать рыбу даже повысилось. Впрочем, дед сам говаривал, что во время оккупации приходилось ему сиживать у реки частенько. Иногда и рыбку дед ловил, а иногда... и другие дела приходилось выполнять. После таких разговоров усмехался тихонько дед и, вроде как невзначай, притрагивался к медали...

Каждый вечер отправлялись мы в лес или на реку. Дедом я был восхищён. Он словно заранее знал, что делается в корбинских лесах и реках, и попадал сразу на самое добычливое место.



Я готов был считать деда за самого настоящего чародея, если бы... если бы все его чудеса не стали постепенно мне раскрываться.

А началось это с того времени, когда, по его советам, стал я внимательно всматриваться в окружающее и осторожно выведывать секреты у леса, поля и реки.

Только тогда начал я понимать, что лист за листом читаю книгу природы.

И читаю не ради удовольствия, я для того, чтобы искать и найти полезное для человека, а с ненужным бороться и победить.





ХИТРАЯ РЫБА

Пескари у нас в реке крупные, жирные.

Принесёт Мокеич ведёрочко и хвастает:

— Нету рыбы для жаркого лучше пескаря!

Соблазнился и я, отправился за пескарями.

Пришли мы на берег, размотали удочки.

Дед насадил червя, закинул одну удочку и воткнул её в берег.

Потом насадил вторую удочку, потом третью и тоже воткнул.

А после этого собирать начал.



Пока с одного крючка пескаря снимает, на другой удочке клёв начинается.

Приспособил и я свой две удочки невдалеке от дедовых.

Только — странное дело: время идёт да идёт, но мои поплавки и не думают качаться.

А дед, посмеиваясь, кидаёт да кидаёт в помятое ведёрчко пескаря за пескарем.

Наконец я не выдержал и спрашиваю Мокеича: отчего, мол, такое? И насадка одинаковая, и место рядом, и удочки такие же, а у меня и клевать рыба не собирается?

Покачал дед головой, да и говорит:



— Чудак ты! Погляди, — куда удильники воткнул? На чистом месте! Тень-то от них вся на воду! Да и лесу видно. А я в тени воткнул, под куст, вот у меня и клюёт!

Рыба-то она ведь тоже хитрая!





СЧАСТЛИВЫЕ МЕСТА

Ну, как тут не удивляться?


Иду я на реку без Мокеича — не везёт. Ходишь-ходишь, устанешь, пока счастливое место найдёшь.

С дедом пойдём — прямо куда надо попадаем! Закинет Мокеич удочку и с первого же раза вытягивает рыбину.

Начал я за дедом внимательно поглядывать и вроде догадался, в чём дело.

Рыба клюёт чаще на тех местах, где у берега в воду ёлки срубленные опущены или сушняк навален. «Ага, — думаю, — значит, вот какие рыба места любит! Теперь меня не проведёшь!»

Однако на следующий день опять задача.



Пришли мы на совершенно пустое место — ни ёлок, ни сушняку, а рыба и здесь целыми стаями ходит.

Думал я, думал, смотрел-смотрел — никак не догадаюсь.

Мокеич, видно, понял мои мысли:

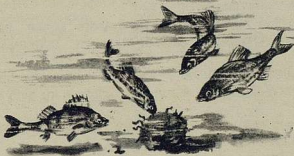
— Считал я, — ты сам сообразишь, а оказывается, опять тебе объяснять надо! Смотри! — и вынимает из корзинки глиняный шар. Кинул шар в воду, а к нему со всех сторон рыбы бросились — выются кругом, щиплют, теребят...

Я к корзинке скорей — посмотреть, что за чудесные шары.

Наклонился и рукой себя по лбу стукнул — до чего ж просто! Всего-навсего закатаны в сырую глину дождевые черви: получилось вроде пирога с начинкой для рыб.

Ну, ясно, покидай денька два такие шарики в воду и приручишь рыбку.

Оказывается, счастливые места-то дед сам делает!





УТРЕННЯЯ КРАСОТА

Давно звал меня Мокеич сходить пострелять тетеревов. У него и место выбрано, и шалашик поставлен. Одно плохо: надо на тетеревиную охоту до света вставать, а я всё просыпаю.

Наконец собрались.

Еще затемно дошли до берёзового колка на нашем овсяном поле. Отыскали шалаш, залезли, прикрылись ветками.

— Устраивайся удобней! — говорит дед. — Когда прилетят, — не шевелись, замри и дышать бойся, а то всю охоту испортишь!

Пообмял я вокруг себя солому, закрылся дедовой шубой, привалился на бочок и стал ждать.

Тишина стоит на поле, ветра нет, и слышно даже,



как сзади нас капли крупные от
ночной росы по листьям стучат:
«Капп, капп... капп...»

Стал я представлять себе,
как тетеревов увижу.

Рассветёт немного, думаю,
и прилетят. Сразу штук пятнад-
цать... Рассядутся на зеленях,
а тетёрки подальше на дере-
вьях...

«Капп... капп... капп...»

Интересно, как они, — сразу драться начнут или по-
года немного? Сначала, думаю, стрелять не буду рассмотрю
всё хорошенько.

«Капп... капп...»

Надо будет Мокеича... предупредить, чтоб не стре-
лял... Предупредить... обождал... бы...

«Капп... капп... капп...»

И сам не заметил, как заснул.

Проснулся оттого, что дед меня в бок толкает и одной
рукой рот мне зажал.

Побоялся, что спросонья крикну.

Раздвинул я осторож-
но ветки, взглянул.

Уже светать стало,
дымка лёгкая над полем.
А в дымке недалеко от
нас — тёмные точки.

Пригляделся — шеве-
лется. Вдруг кинулись друг
к другу, столкнулись. Кры-
лья захлопали.

Протёр я глаза — да
это же тетерева! Вот они,
ясно видать. Пригнулись
грудью к земле, крыльями



по траве чертят, чёрные головы вперёд вытянуты. Потоптались, потоптались — и снова друг на друга! Рядом ещё двое сшиблись!

Интересно до чего! Я и про ружьё забыл.

А тут солнце вышло, у нас за спиной ударили первые лучи, скользнули по вершинам берёз, заблестели-заиграли на листьях тяжёлые капли.

Потом целый солнечный поток вырвался и облил наш пригорок живым сверкающим золотом.

Как всё засияло вокруг! Внизу трава серебряной пылью блестит, на кустах капли сверкают так, что глазам больно. Стволы у берёз розовыми стали, будто насквозь просвечивают.

И на этой огненной поляне, в горячих лучах, бьются чёрные петухи, сшибаются грудь с грудью, ходят, распушась, один возле другого: «Чуф-шшш! Чуфф-шшш!»

Так и не выстрелили мы ни разу в это утро.





БЕЛИЧЬИ ПОВАДКИ

Говорили мне, что белки шишками пребольно швыряются. Сорвёт шишку да так метко запустит, что и увернуться не успеешь!

И ещё говорили, — не может, мол, белка по земле прыгать.

Я, конечно, поверил. Что ж тут особенного? Сверху-то ей удобно швыряться, это не мне снизу в неё попадать!

И насчёт беганья поверил. Передние лапки у белки маленькие, а задние хоть и большие, так ведь им хвост на земле мешать будет!

Насчёт хвоста это я сам тогда догадался, — сравнил белку с зайцем. У зайца ведь тоже передние лапы малень-

кие, а задние больше раза в три. Зато хвост у зайца какой, — всякий знает. Его даже и хвостом-то назвать совестно, так что-то вроде меховой пуговицы.

Ну, вот, сравнил я эти хвосты и сразу решил, что белке по земле бегать действительно никак нельзя. Хвост мешать будет: обязательно он у неё в ногах запутается.

А на самом деле оказалось вот что.

Поспели грибы, стал я каждый день в лесу проводить. Белок у нас так много, что я их почти всякий раз видел! Даже и внимание перестал обращать — всё равно ружья нет, не достанешь.

А тут попалась одна смелая: сидит, качается себе на нижней длинной ветке. Я и решил проверить, как белки по земле прыгают.

Протянул я осторожно палку — не пугается белка, смотрит на меня и покает легонько. Я палку в ветку упёр, потом как тряхну, — белка моя и кувырнулась на мох.

Опомниться не успел, как она уже шагах в десяти от меня очутилась. Так быстро поскакала, будто это мох её, как пружина, подкидывает.

И хвост-то, оказывается, нисколько ей и не мешает скакать! Вытянулся он сзади в струнку и летит за ней по воздуху.

Доскакала белка до первого дерева, взвилась по стволу, уселась на макушке да как заверещит!



Когда белка цокает, у неё хвост подрагивает: цокнет белка — и хвост дрогнет; цокнет — и опять дрогнет!

Ну, так теперь хвост у неё не дрожал, а непрерывно трясся — до того обиделась на мою шутку!

Тут я сразу и про шишки вспомнил.

Сейчас, думаю, в меня кинется!

Но не стала кидаться белка.

Правда, может быть, потому, что она впопыхах на берёзу уселась, а там шишку вряд ли отыщешь!



695288

Российская государственная
детская библиотека

26081



СОМИЩЕ

Всё никак мне не удавалось увидеть настоящего живого сома.

Приходили к Мокеичу другие рыбаки, рассказывали о ловле. И, конечно, вершиной удачи на рыбалке был сом. Щуками не хвастались — чего-чего, а этого добра в реке много! Но вот сом...

Я и не мечтал его поймать, хоть бы увидеть живого, в воде. По рассказам-то я сома хорошо себе представлял: чёрный, с жёлтым брюхом и огромной пастью бродит сомище в тёмной придонной воде.

Ночью на охоту выходит — за лягушками и рыбьей мелочью гоняется. А перед грозой «гуляет» наверху — махнёт хвостом, только плеск раздаётся и круги по воде побегут. Да, на такого интересно посмотреть!

Сидел я как-то утром на реке. Место было удачное — под мостом на нижних сваях. Ни ветром не продувает, ни солнцем не жжёт. Таскаю помаленьку плотву да окунишек на маленькую зимнюю удочку. Поплавок подо мной качается, и закидывать его никуда не нужно. Кругом свай течением при-



39922.



било траву и тину, затянуло воду плотным коричневым покрывалом. И только подо мной светится зелёное окошко чистой воды.

Наловил я порядочно, стал домой собираться. Нанизал рыбу на ивовый прут и сматываю удочку.

Вдруг тина рядом заколебалась и стала расходиться медленно-медленно, словно кто её рукой осторожно снизу отводит. Потом затихло и снова тина сходиться начала.

Я заинтересовался, прилез по сваям поближе, наклонился и смотрю: кто же там шевелится?

Долго ничего не появлялось. Я уже встал, удочку в руку — и собрался лезть к берегу; да взглянул ещё разок. А когда взглянул — у меня и руки похолодели.

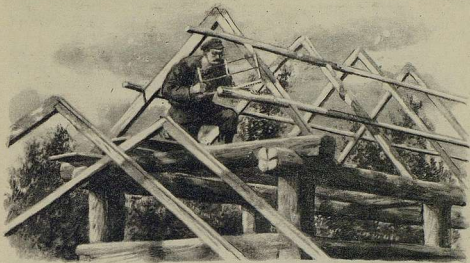
Рядом с серой сваей, почти высываясь из воды, торчит толстая усатая голова. Один ус в воду спустился, а другой в тине застрял и вверх смотрит.

Поднял я осторожно удочку и толстой ручкой на конце — хлоп по чёрной голове! Не знаю, зачем я это сделал. Убить, конечно, деревянной ручкой не собирался, а скорей всего поразился нахальству рыбищи — вылезла наверх и заснула у всех на виду!

Стукнул я ручкой усатую голову и испугаться не успел, — хлопнуло подо мной, окатило водой с ног до головы. И не сверху льётся вода — снизу бьёт, а потом по мне же и стекает обратно. Открыл глаза — удочка моя на волнах качается, сома нет, а я весь тиной обвешан и трава на мне, как верёвки, повисла.

Вот тебе и встретился с сомом!





ПРОСТОЙ СПОСОБ

Петькин отец в колхозе плотником работает. Нехватило ему как-то жердей на новую крышу, — отправился он в лес, а мы с Петькой за ним увязались.

Нам посмотреть интересно, да еще у меня в голове думка: «А вдруг позволит он мне самому попробовать, какая-то такая работа у лесоруба?»

Однако — не позволил.

— Тебе, — говорит, — сажать деревья еще туда-сюда, а насчёт того, чтобы рубить, — маловато вырос!

Я обиделся. Что мне, — для себя срубить хочется? Кроме того, человек в пятый класс ходит, а его всё еще маленьким считают.



«Ладно, — думаю, — посмотрим еще, кому можно, кому нельзя».

Выбрал он на просеке сосну, начал рубить, а я вокруг похаживаю. Потом подошёл к нему и спрашиваю:

— Дядя Вася, а сколько метров будет в этой сосне, что вы рубите?

— Не знаю, вот свалю и померяем.

— Так как же вы рубите, не померявши? Может, она короче и нехватит вам на жердину?

Он даже засмеялся:

— Не мерявши? У меня, брат, глаз точный, я и так всё вижу! А ты что, хотел её не срубивши померить?

— А что ж тут особенного? Конечно, смерить надо, а то вдруг всё-таки не хватит.

Сколько, — спрашиваю — вам метров надо?

— Шесть, — отвечает дядя Вася, — а в этой вершине все восемь будут.

Я сразу как будто бы успокоился:

— А, ну, значит, всё в порядке! Только, дядя Вася, в ней не восемь, а ровно семь метров.

— Сейчас, — отвечает, — прикинем! Дай-ка метр, да только сам отойди подальше, чтобы я не видел, как ты краснеть будешь! — Я, конечно, не отошёл.

Свалил дядя Вася сосну, прикинул — точка в точку семь метров. Он от удивления даже метр выронил. А я спокойно говорю:

— А вот в этой, дядя Вася, ровно шесть, а вот в той



сосне — девять с половиной метров. Может, вам ещё какую смерть надо?

Тут фокус этот совсем простой. Воткнул я в землю незаметно от дяди Васи метровую палку. День был солнечный, просека чистая, от палки на землю тень упала. Я её измерил — оказалось, ровно два метра, а в тени, что от сосны падала, уложилось четырнадцать метров. Ну, а дальше расчёт короткий: четырнадцать на два — семь метров.

Прямо против моих окошек выстроен новый клуб, и пять боковых жердей, что покрыты сверкающей жёлтой дранкой, срублены мной в тот день, когда мы ходили в лес. И, конечно, срублены с разрешения дяди Васи, тем более, что он теперь сам иногда моим способом в лесу деревья меряет.





МОИ ПРОВОДНИКИ

Ходил я как-то за грибами и заблудился.

Попал в незнакомое место — кругом полянки, одна за одной. Огорожены полянки густым березняком, заросли травой и похожи все друг на дружку.

Вот и попробуй, найди дорогу домой. Если бы еще знал где, — на севере или юге дом находится, то выбраться легко.

Найдёшь пень свежий или мох на северной стороне — и сразу всё ясно станет. А то ведь целый день кружился по лесу и, конечно, где какая сторона света — представления не имеешь!

Лёг я на пахучий дикий клевер, задумался. Лежу, а кругом, как провода под ветром, гудит: «Жжж-жжж-жжж-у!» — пчёлы.

Стал я за ними наблюдать. Вот эти тёмнокоричневые — шмели, лесные жители. Летают тяжело и гудят, как басовая струна. Эта вот с ядовитыми жёлтыми полосами



промеж чёрных — оса. У неё повадки совсем не пчелиные — летает быстро, звенит. На цветок сядет — пёстрое брюшко покачивается. Смотреть-то даже и то неприятно.

А вот эта, тёмножёлтая, — настоящая домашняя пчела. Их на поляне всего больше.

Стал я считать, сколько цветков пчела на поляне облетает, со скольких взяток возьмёт. Пчела с цветка на цветок — и я за ней следом. После одиннадцатого цветка поднялась она высоко, сделала круг и скрылась за березняком. Следующая снялась после девятого — и опять в ту же сторону.

Догадались теперь, как я дорогу домой нашёл?

Вспомнил я, глядя на пчёл, как Мокенч дикий мёд добывает. Набравшие взятку пчёлы всегда прямую дорогу к улью выбирают. Только сумей приметить «нагружённую» работницу.



Вот Мокеич за ними и следит, смотрит, куда летят. Одна из глаз скроется, — он следующую ждёт и снова за ней в путь. Иной раз километров пять пройдёт, а своего добьётся: найдёт колоду с мёдом!

А я в тот раз отправился в ту сторону, куда домашние пчёлы летели. До ульев я, правда, не дошёл, но на дорогу выбрался быстро.





ЛЕСНЫЕ ФОНАРИ

Есть у меня приятель Петька. Много мы с ним по лесам путешествовали, зимой с гор на одних санках катались, летом вместе купались и рыбу удили.

А однажды нашли мы с Петькой в лесу пень гнилой, из таких, что по ночам голубовато-зелёным огнём светятся.

Такой пень на многое употребить можно. Например, взять и прибить кусочки на потолок в сарае, где мы летом спим.

Ночью проснёшься — и почудится, что лежишь под открытым небом и над тобой звёзды сияют.

Теми кусками, что помягче и вроде глины, можно рисунки на стене нарисовать, например, волчью пасть, с горящими зубами и глазами.



Да мало ли ещё чего можно придумать!

А мы сделали иначе.

Нам с Петькой часто домой с реки возвращаться приходилось уже в потёмках, а дорога лесом идёт. Вот и крошили мы понемножку пень, совали гнилушки в развилины сучков да в дупла. Получались у нас лесные фонарики на дороге.

Хоть светят не ярко, но с пути не собьёшься!





СУШЕНАЯ ДОБЫЧА

В лесу нашёл я полянку, где белка запасает на зиму грибы.

Полузасохшие подберёзовики и опята висели на сучках ёлок, повыше человеческого роста.

Стоят деревья, будто короткими шпагами проткнули грибные шляпки.

Странная картина!

А все корешки от грибов торчат под этими же деревьями, в пушистом мху.

Я и подумал: «Соберу-ка сейчас все эти висячие грибки. То-то дома удивятся — принесу из лесу грибы уже почти высушенные».

А вот доставать их неудобно оказалось. Висят грибы выше головы, — значит, за каждым грибом на дерево лезть надо или палкой сшибать. Но палкой опять нельзя — нижние частые ветки мешают.

Получилось у меня, как у лисицы в басне: «Хоть видит око, да зуб неймёт!»

Вот если бы найти ту кладовую, куда уже снесла белка сухие грибы, — тогда другое дело. Тогда и слазить на дерево можно.



Да только как найдёшь эту кладовую?

«А что, — думаю, — если прийти сюда перед дождём? Ведь тогда белка все эти припасы потащит спасать от воды! Если во-время попасть — и найдёшь кладовую»

Так и решил поступить.

Как-то пасмурным днём заметил я, что закрываются на лугу клеверные листочки, — три зелёных пальчика в кулачок сжимаются. Значит, — скоро дождю быть.

Отправился я в лес и поспел как раз в то время, когда

белка работала. Таскала она грибные шляпки всего шагов за десять от полянки, в дупло трухлявой берёзы.

Сдёрнет лапами гриб, схватит в зубы и, как собака с поноской, бежит по ветке к дуплу.

А бежать нелегко. Чуть поменьше беличьей головы грибная шляпа. Неудобно её тащить. Тяжёлая работа.

А тугеше дождь накрапывать стал. Заторопилась белка — отдыхать некогда, — как стрела, замелькал рыжий беличий хвост.

Тогда и я на дерево полез. Только полез на... ёлку.

Посшибал палкой висячие грибы. Собрал их в корзинку и принёс к берёзе.

Дупло совсем низко от земли находилось, у первой развилины сучьев.

Привстал я на пенёк и запихал всю сушёную добычу в беличью кладовую.

И пока я с грибами управлялся — дождь во всю хлынул. Пришлось мне вымокнуть.

Да только я не жалел.

Хоть и пришёл домой мокрый, но грибы в кладовой у белки остались... сухие.





СВЕТЛЯКИ

Возвращались мы с Петькой поздно вечером домой.

В конце августа ночи тёмные, глухие, и бывает так, что на небе звёзды сверкают, а на земле всё равно ничего не видно. Дорога наша, что идёт от реки по полю, обсажена кустарником. Мы шагали по ней, как в открытой коробке, — только вверху свет.

Вдруг что-то заблестело впереди на земле. Вроде как огонёк от папиросы. Только не красный и тёплый огонёк, а синий, холодный.

Петька меня в бок толкнул:

— Смотри, — говорит, — это светляк! Давай поймаем и принесём домой! Можно его в банку из-под варенья посадить и поставить у нас на столе.

Я согласился. Подобрались мы к кустам и видим, что светляков там не один, а много их в траве и на ветках мерцает.

Петька нацелился на самого ближнего, сдёрнул кепку и пополз на коленках. Я не двигаюсь, боюсь на него в темноте наткнуться и только на светляка смотрю.

Хлопнула Петькина кепка по траве — и сразу пропал огонёк. Потом слышу Петькин голос: «Эх, упустил!»

Я тогда сам за кепку схватился, решил помочь. Только ничего не вышло. Подползёшь, хлопнешь, — кепка пустая, Уж мы потом и рубашкой моей ловили — расстелем её на траве и ждём, когда светляк сядет. Но и рубашкой не вышло — ждать нужно долго и, пока лежишь на земле, застынешь. Так и вернулись домой ни с чем.

Мокеич узнал про нашу охоту — и ну смеяться!

— Эх, — говорит, — вы натуралисты! Хотите, я вам этих светлячков целый десяток поймаю? На огороде!

Я на него рукой махнул, — уж если вдвоём не сумели, так где ж одному?

А Мокеич поймал. Принёс противень, в котором пироги пекут, налил в него воды и поставил под куст.

Через полчаса приходит, показывает, — а там в воде живые светляки. Он, оказывается, взял да и потрянул куст раза два. Тоненькой жердинкой потрянул, издали. И попадали светляки в противень. Тут я их и рассмотрел как следует. Я думал, они вроде червячков ивановских, а это жуки были. И конец брюшка у них светится.

Мне Мокеич говорил как-то, что они на тараканов похожи. Да кто его знает, какой он есть, сам таракан-то? Пришлось и про таракана спрашивать. В первый раз Мокеич не смог толком рассказать.

— Я, — говорит, — и сам забыл, какие они есть. Давно уж не приходилось этого зверя видеть!





ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

Однажды надо было нам с Петькой сходить на станцию, взять почту для сельсовета.

Отправились мы из дому рано и пришли на станцию задолго до прихода поезда.

Сидеть на вокзале нам не захотелось, и решили мы полежать на песке у реки, благо она близко находится.

А может, думаем, еще искупаться успеем.

И отправились на реку.

Ну, а если я на реку попаду, то обо всём забываю. Так и в этот раз получилось.

Засмотрелись мы на стайку окунишек, что паслась на подводном мшистом лугу, — и забыли про поезд.

Смотрели-смотрели и до того увлеклись, что очнулись и не знаем, сколько времени прошло, — может, десять минут, а может, и целый час.

А тут ещё перед глазами необыкновенное, что не всегда

замечаешь, — белые кувшинки, речные лилии распускаться начали.

Прямо видно, как медленно-медленно расходятся в сторону зелёные створки бутона и лепестки жёлто-мраморные в пышный цветок разворачиваются.

И вдруг я вспомнил.

— Петька, — кричу, — бежим скорей! Уже десять часов, а в десять двадцать две поезд приходит!

Прибежали, оказывается, даже раньше, чем нужно было. Получили почту и отправились домой.

Я всё шёл и ждал, когда же Петька попытаться станет, откуда я время на реке узнал, а он так и не спросил.

Он хитрый, и ему, наверное, тоже известно, что белые кувшинки распускаются около десяти часов.





КАК ЛОВИЛИ РЫБУ В ВОЗДУХЕ

Есть такая рыба в быстрых холодных речках — форель. Рыба осторожная, пугливая. Хорошая добыча, да выловить её не так-то легко. Она даже маленькой тени боится, а сетью ловить и не пытайся — сразу увидит.

Подумали рыбаки и решили: «Раз в воде поймать трудно, то будем ловить... в воздухе!»

И действительно, стали ловить форель в воздухе. Не верите? А вот мы видели.

Растянут рыбаки низко над водой широкую сетку. В солнечный день упадёт от неё на дно реки резкая клетчатая тень.

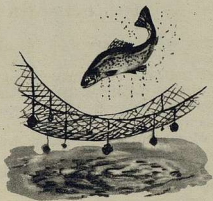
Ходит по реке форель, увидит тёмные полосы и, конечно, почудится ей, что здесь в воде сеть поставлена.



В таком случае у форели своя повадка — разгонится и выскочит из воды, чтобы ловушку перепрыгнуть.

Выскочит, да раз! — и в сетку.

Вот и выходит, что рыба хитрость рыбакам на руку: и наловишь много, и в воду лазать не надо.





ДЕДОВ СПОСОБ

Мы с дедом как-то задержались на охоте и решили заночевать в лесу.

Нарубили веток, зажгли костёр.

Неплохо было бы и поужинать, да вот беда — утятина есть, а посуды нет! Утку на уголья не положишь. Тут настоящая посуда нужна.

И достал Мокеич посуду, да такую, что лучше, пожалуй, и не придумаешь.

Сходил дед на берег, принёс ком глины с обрыва. Глина у нас гончарная, почти белая.

Я уж подумал, не горшок ли дед лепить собрался. Да нет, думаю, не может быть. Пока его слепишь, обожжёшь да в нём утку сваришь, — пожалуй, и утро настанет!

Взял дед утку, отвернул ей голову, выпотрошил и начал птицу, всю вместе с крыльями, обмазывать глиной. Получилось вроде большой бутылки с тонким горлышком. Сунул дед бутылку в костёр и закидал сверху углями.

— Ну, вот, — говорит, — теперь жди, скоро изжарится!

И что ж бы вы думали? Изжарилась. Вынул дед бутылку, расколол — самой настоящей жареной уткой запахло! Перья к глине пристали, а мясо в собственном жиру изжарилось.

Вот и получается, что от дедова способа три пользы: первая — посуды не надо, вторая — масла не надо, третья — общипывать дичь не требуется.

Остаётся только следить, чтоб не пригорело жаркое в глиняной бутылке.





ЛЕТО НА КОРБЕ

Есть у Пушкина стихотворение о лете.

«Эх, лето красное, любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...»

Так вот, об этих самых мухах...

Ведь такая мелкая скотинка, а сколько от неё беспокойства человеку! И микробы она разносит, и спать мешает, а осенние мухи — так и вовсе звери лютые, как пчёлы жалят...

И бороться с мухами трудно. Вешают люди полоски бумаги на окна, а то и вовсе марлей затягивают, ставят мухоморы и яды разные, липкую бумагу раскладывают.

Но нет, никак не избавиться — всё равно жужжат мушиные рои. Хоть дверей на улицу не открывай.

А у Мокеича в доме — ни одной мухи.

Заходят к нему люди и словно не замечают, что привыч-

ного гуда нет. Посидят, поговорят и уйдут. Так и остаётся дедовский «мухомор» неизвестным.

Захотелось мне о нём рассказать всем, чтоб знали. Да только у нас в деревне на Корбе девяносто три двора. Пока все обойдёшь, пока расскажешь, да где не поверят — покажешь, — пройдёт не меньше недели.

Нет, так не годится! Взял я, да и отнёс это средство в детский сад и рассказал там о «деревянном мухоморе». На другой день стало по всей деревне известно — ребятишки разнесли. А ещё через день-два — стали пропадать мухи во всех домах.

Оттого стали пропадать, что по моему совету поставили хозяйки в домах блюдца с черемуховой кашей. Да, да! На тёрке натёрта черемуховая кашка из молодых веток. От черёмухи запах людям приятный, а вот мухи его вовсе не выносят.

Так что теперь к нашему лету стихотворение Пушкина совсем не подходит.

Ведь у нас:

пыль пропала после того, как пионеры по всей улице
деревья и кусты посадили;

комаров колхозники нефтью на болоте вывели,

а мух... мух я дедовым способом победил.





ПРО БАРСУКОВ

Прибежал однажды ко мне Петька и говорит:

— Собирайся, на Лысые Кочки сходим! Там мы с Мокеичем барсучью нору отыскали. Сказывал дед, что вечером и самих барсуков увидеть можно.

Лысые Кочки — это вырубка у нас в лесу, километра два от деревни. Ягод там, брусники, видимо-невидимо, и поэтому туда никак быстро не дойдёшь. Под ногами почти всю дорогу ягоды хрустят. Разве пройдёшь, не поклонившись? Кисточку за кисточкой в рот отправляешь, а время-то летит. Пока мы с Петькой всю дорогу кланялись да кланялись, солнце садиться пошло.

Я-то ведь не знаю, где нора находится. Собираю бруснику, с кочки на кочку перелезаю. Потом поднял голову — нет Петьки!

А он около кустов животом в мох шлёпнулся и мне рукой машет — «ложись!»



Я тоже в мох кинулся, даже ягоды забыл проглотить. Так с полным ртом и ползу.

Подобрались мы к кустам, заглянули в просвет между веток.

А там вот что: на пригорке, на песке, сидит барсучиха-мать. Неподвижно сидит и только передней лапой от мухи отмахивается.

А поближе, шагах в десяти от нас, бегают по склону горушки два барсучонка. Так близко от нас, что я и ягоды проглотить боюсь: а ну как чавкнешь? Убегут сразу. Уж лучше потерплю.

Смешные маленькие барсучата! Вроде и не толстые, а просто неуклюжие. С морской походкой.

Вот сбежал один вниз по склону, а обратно и не залезть никак — еловые иголки под лапами скользят. Чуть-чуть заберётся повыше — и съезжает обратно.

Видно, еще когтями как следует работать не привык. Пыхтел-пыхтел — надоело. Повернулся и побежал прочь от горушки.

Тут мать голову подняла и посмотрела ему вслед. Не пискнула, не хрюкнула, а только посмотрела.

Остановился сразу барсучонок. Оглянулся и побежал обратно.

Мы с Петькой друг друга локтями толкнули: как это у неё получилось?

Потом глядим — и второго барсучонка так же вернула мамаша. Непонятно!..

А под конец и совсем удивила: посмотрела на одного сынка — тот спал. Поднялся сразу сынок. Посмотрела на второго — второй барсучонок корень от пня отламывал — сразу бросил он корень.

И пошли оба куда-то за горушку. Тогда только и мамаша встала и за ними следом отправилась.

Так и исчезли из глаз.

Я поскорей свои ягоды проглотил, спрашиваю у Петьки:

— Слышал что-нибудь?

— Нет!

— Так как же она зовёт-то их? Видишь, сначала сказала «иди обратно», и послушался барсучонок.

— Да, да! А потом сказала: «дитёнки, пора домой!»

— И тоже сразу послушались.

Странно. Идём мы обратно и в затылках чешем, — что за чудо?

И тут с нами самими будто чудо произошло.

Мы ведь шли — не переговаривались.

Молча шли.

Да вдруг повернулись один к другому и сказали враз, слово в слово:

— А ведь дознаем, в чём дело!

И повторили:

— Дознаем!



СОДЕРЖАНИЕ

Встреча	3
Хитрая рыба	7
Счастливые места	10
Утренняя красота	12
Беличьи повадки	15
Сомище	18
Простой способ	21
Мои проводники	25
Лесные фонари	29
Сушёная добыча	31
Светляки	34
Точное время.	36
Как ловили рыбу в воздухе	38
Дедов способ	40
Лето на Корбе	42
Про барсуков	44

*Отзывы и пожелания издательству направляйте
по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6,
Дом детской книги Детгиза*

39922.



150 =
+ 1 р. 35 к.

Для младшего возраста

Ответственный редактор Г. Гроденский

Художник-редактор Ю. Киселев. Технический редактор Т. Лейкина.
Корректор Л. Дрожжина. Подписано к печати 21/III 1951 г. 70×92¹/₁₆.
Вум. лист 18¹/₁₆. Печ. л. 3,79. Авт. лист. 0,9. Уч.-изд. л. 2,43. Зак. № 591.
Тир. 20 000. М-00151. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства
Просвещения РСФСР, Ленинград, 2-я Советская, 7.